

МИР ДЕТСТВА В СВЕРДЛОВСКЕ В 1940-е ГОДЫ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Анализируются документы, посвященные деятельности Общества юных географов «Глобус», созданного на базе свердловского Дворца пионеров: дневники, исследовательские работы школьников, стенгазеты, отчеты, рефераты. Эти документы позволяют увидеть различные аспекты повседневной жизни свердловских школьников в 1940-е гг., не отраженные в официальных документах, понять их интересы и мотивы поведения, оценить уровень самосознания и осмысления окружающего мира.

Ключевые слова: общество юных географов «Глобус», свердловский Дворец пионеров, дневники, повседневная жизнь, детство.

N. F. Sgibneva

THE WORLD OF CHILDHOOD IN SVERDLOVSK IN THE 1940s: NEW ARCHIVE MATERIALS

The documents devoted to the activities of the Society of Young Geographers «Globus», created on the basis of the Sverdlovsk Pioneer Palace, are analyzed: diaries, research works of schoolchildren, wall newspapers, reports, essays. These documents allow us to see various aspects of everyday life of Sverdlovsk schoolchildren in the 1940s that are not reflected in official documents, to understand their interests and motives of behavior, to assess the level of self-consciousness and understanding of the world around them.

Keywords: Society of Young Geographers «Globus», Sverdlovsk Palace of Pioneers, diaries, everyday life, childhood.

Детство как особый культурный феномен в последние десятилетия стало предметом активного исследования и рефлексии в отечественной гуманитарной науке. Исследуются разные аспекты повседневной жизни детей, при этом в большинстве работ анализируются официаль-

ные документы учреждений, отражающие государственную политику и идеологию в сфере детства. Мир детей при таком подходе предстает глазами взрослых. Наиболее дефицитными по-прежнему остаются исследования истории детства «снизу», дающие возможность увидеть окружающий мир глазами ребенка. Во многом этот дефицит обусловлен недостатком источников. Детство – часть исторического опыта, которая мало документируется и часто остается без свидетельств прошлого, поэтому документов, способных адекватно отразить те или иные аспекты детства, немного.

В фондах Музея истории Дворца (ранее – свердловский Дворец пионеров) хранятся документы, посвященные деятельности Общества юных географов «Глобус» в 1940-е гг.: дневники, исследовательские работы школьников, стенгазеты, отчеты, рефераты, макеты, карты. Эти документы во многом уникальны, поскольку были созданы детьми и сохранили свидетельства о жизни свердловских школьников. Они позволяют увидеть различные аспекты их повседневной жизни, не отраженные в официальных документах, понять их жизненные идеалы и ориентиры, интересы и мотивы поведения, оценить, с чем были связаны их эмоциональные переживания.

Общество юных географов «Глобус» было основано 15 ноября 1939 г. учителем географии, известным уральским краеведом Османом Садыковичем Юсуповым на базе свердловского Дворца пионеров. Это было первое на Урале детское научное объединение. В его состав входили восемь секций: историческая, краеведческая, геологическая, географическая, натуралистическая, ботаническая, зоологическая, метеорологическая. У общества был разработан устав и действовал свой совет.

Стать действительным членом общества «Глобус» было непросто: желающий вступить в него сначала становился кандидатом и вместе со всеми включался в изучение родного края, и, только выполнив коллективную или индивидуальную работу, он имел право вступить в действительные члены общества [Юсупов, с. 32].

Сами дети осознавали важность включения в эту организацию, для них участие в «Глобусе» было приобщением к большим и социально значимым делам: они записывали истории населенных пунктов Свердловской области, изучали историю уральских заводов, описывали пещеры,

рельефы рек, климат, почву и растительность Урала, собирали и оформляли коллекции по минералогии, ботанике, энтомологии, палеонтологии, филателии и нумизматике, создавали карты и макеты природных объектов, разводили шампиньонные плантации, ставили опыты по получению эфирных масел из трав, занимались озеленением улиц и парков Свердловска. По признанию руководителя общества О. С. Юсупова, за время работы общества юными географами было собрано столько материалов, «что они могли бы составить музей в несколько больших комнат» [Там же, с. 30]. Большая часть коллекций общества со временем была передана в фонды краеведческих музеев страны.

В восприятии детей общество «Глобус» было местом, где происходило внутреннее преображение и перерождение человека. Так, в дневнике работы Общества юных географов «Глобус» за 1945 г. представлена графическая история эволюции мальчика Миши, который сначала ничего не знал о существовании «Глобуса», был хмурый, угрюмый, но, став членом общества, «прозрел», «многому научился», затем, объехав весь Урал, «сам стал похож на Глобус» [Музей истории Дворца, инв. № 1932, л. 5 об.]. Заканчивается эволюция Миши превращением в умудренного опытом, всеми уважаемого Михаила Петровича, который, «несмотря на свою занятость в институте, читает юным краеведам лекции, консультирует их и до сих пор не пропускает ни одной традиционной ежегодной встречи во Дворце» [Там же, л. 6].

Стоит отметить, что повседневная жизнь детей внутри общества «Глобус» всегда была очень четко регламентирована: существовал устав, правила поведения, за несоблюдение которых делались замечания или выговоры; в загородных лагерях весь распорядок дня был расписан буквально по минутам, но при этом у детей всегда оставалось время и возможность для проявления собственной инициативы, принятия решений, а порой даже и выбора стратегий выживания. Так, летом 1946 г. ученики 5-го и 6-го класса, братья Аян и Феликс Копейны с другом Альбертом Давыдовым, втроем отправились сплавать от Верх-Сысертского пруда до озера Сысерть. В ходе сплава они должны были изучить географическое положение Верх-Сысертского завода, его экономическое значение, описать форму очертания, рельеф дна и берега Верх-Сысертского пруда, реки Полднейвой и озера Сысерть. В дневнике «На лодке от Верх-

Сысертского завода до озера Сысерть» дети отмечают, что уже в процессе сплава выяснили, что часть реки обмелела и путь продолжать по ней невозможно. Оценив ситуацию, они приняли решение продолжить путь пешком: «Стояла сильная жара. Река становилась все уже и уже... Над рекой склонились кусты черемухи, ивы и смородины. Они так переплелись, что дневной свет едва попадал на нас. Было похоже, что мы плывем в зеленом лабиринте... Плыть становилось все труднее и труднее. Река извивалась так, что мы едва успевали отворачивать. Вот нам преградило дорогу огромное дерево, поваленное в воду грозой. Пришлось вытаскивать лодку на берег и тащить волоком несколько метров... Плыть дальше стало невозможно. Мы затащили лодку в кусты, взяли вещевые мешки, сунули весла под куст и пошли по едва заметной тропинке к Иткульской дороге...» [Там же, инв. № 1466, л. 8 об.]. Очевидно, что такой поворот событий не был спланирован руководителем, однако дети оказались готовы к вызову: «Мы выбрали небольшой мысок, разложив огонь и поставив котелок с водой. Через полчаса вода закипела. Отдохнув и подкрепившись кипятком, пошли за хворостом, чтобы не беспокоиться ночью. Заготовив кучу палок и сучьев, довольно внушительного размера, мы расположились вокруг костра и стали вспоминать разные легенды и рассказы о Сысертском озере. В одной легенде говорилось, что на озере живет русалка, которая по ночам выплывает из воды и поет песни. Но мы убедились, что здесь никогда никакой русалки не было. Тихо было в лесу, мерно шелестели огромные великаны, иногда вода, ударяясь о камни, с плеском разбивалась. Все обитатели этого дикого места спали спокойным сном. И мы незаметно для себя забылись крепким, сладким сном» [Там же, инв. № 1466, л. 9 об.].

Подобные ситуации, описанные детьми в дневниках, свидетельствуют об уровне зрелости и осознанности, которые зачастую сложно сопоставить с их возрастом. Возможно, что эта особая «взрослость» была во многом обусловлена временем. Большая часть дневников и исследовательских работ детей относится к периоду Великой Отечественной войны. Экстремальные условия войны, безусловно, наложили свой отпечаток на повседневную жизнь детей, внесли свои коррективы в их привычные повседневные практики. При этом на страницах детских дневников нет сюжетов, связанных с переживаниями войны и военных

событий. Дети оставались в большей степени детьми, погруженными в свою повседневную жизнь. Возможно, детское сознание вытесняло тяжелые переживания, для них «Глобус» стал островком тишины и стабильности, местом, где мир был надежен и предсказуем. Об этом чувстве защищенности, которое давало общество детям, писал в своих воспоминаниях один из его участников – Спартак Киприн: «Это были очень суровые годы – голодные, холодные, неустроенные. Простой люд жил очень тяжело. Но во все времена были люди и островки нездешней, светлой жизни, которые, как трамплины, давали другим людям энергию для прыжка в будущее» [Спартак Киприн, с. 10].

Большинство дневниковых записей детей направлены прежде всего на точную фиксацию происходящих событий и внешних фактов. Они отличаются строгостью, логичностью, последовательностью суждений. Авторы тщательно формулировали цели и задачи ведения дневников, точно фиксировали имена и фамилии участников событий, названия различных географических объектов (городов, рек, гор, улиц), подробно описывали маршруты своих путешествий.

Анализ лексического состава дневниковых записей показал, что наиболее активно используемыми были оценочные слова, передающие отношение детей к происходящим событиям: «меня заинтересовало растение чабрец» [Музей истории Дворца, инв. № 2105, л. 3], «нам удалось узнать много интересного» [Там же, инв. № 1456, л. 12], «этот случай заинтересовал меня», «охота меня заинтересовала», «увлеченный азартом охоты» [Там же, инв. № 1453, л. 2–2 об.], «каково же было наше удивление», «в лагере появилось интересное для нас объявление» [Там же, инв. № 2108, л. 4 об.].

Состояние увлеченности, заинтересованности и азарта во многом было обусловлено атмосферой, царившей в «Глобусе», и той деятельностью, в которую дети были погружены. В обществе рутинный и зачастую формализованный школьный образовательный процесс трансформировался, превращался в увлекательное путешествие, в котором дети делали собственные открытия. Так, летом 1941 г. члены общества изучали безымянный лесной ручеек, который оказался золотоносным, а в его русле юные краеведы нашли кристаллы граната. Вспоминая эту историю, О. С. Юсупов отмечал: «с того дня с утра до позднего вечера

и мальчики, и девочки искали гранатовый песок, перерывали все русло. Всюду наклоненные фигуры, опущенные головы, у всех пробирки с отборными кристалликами» [Юсупов, с. 21]. Из дневников самих исследователей: «Совершенно неожиданно в лагере началась “гранатовая лихорадка”. Все без исключения ищут гранаты, моют шлихи, отбирают, сортируют, взвешивают, соревнуясь между собою: кто найдет самый прозрачный кристалл граната? А кто нашел кристалл самой правильной формы? Кто найдет самый крупный кристалл?» [Там же, с. 22]. Эта безымянная лесная река не была обозначена на карте, кружковцы и педагоги исследовали ее на всем протяжении и по договоренности с местными лесниками «торжественно впервые нанесли ее на карту», дав ей название «Гранатка» [Там же].

Обращает внимание активная позиция детей по отношению к происходящему, что в текстах выражается в частом использовании местоимений первого лица в сочетании с личными глаголами, обозначающими действие, движение, смену событий: «я решила изучать», «я убедилась» [Музей истории Дворца, инв. № 1460, л. 3–3 об.], «я получила сама эфирное масло», «я собирала» [Там же, инв. № 2105, л. 4], «я убедилась, что корневища его идут вглубь», «я встретила» [Там же, инв. № 1459, л. 2 об.], «я стал наблюдать», «я сразу же пошел рассматривать» [Там же, инв. № 1453, л. 2 об. – л. 3]. Общая тенденция употребления в текстах безличных конструкций, активно культивируемая в советское время [Эптшейн], фактически не коснулась детских текстов. Дети выступали в качестве активных деятелей, творцов своей повседневной жизни.

«Лихорадка» [Там же, инв. № 2108, л. 6], «грибная горячка», «грибная эпидемия» [Там же, инв. № 1900, л. 1] – такой оценочной лексикой участники «Глобуса» характеризовали свое состояние вовлеченности в процесс. Эти многозначные слова в своем прямом значении обычно стилистически нейтральны, однако авторы дневниковых записей используют их в переносном значении, за счет чего они приобретают оценочность и экспрессивную стилистическую окраску. В газете «Лесные шорохи» за 1944 г. под заголовком «Грибная горячка» помещен рассказ о «грибной эпидемии», которая охватила весь лагерь: «Последние дни лагерь охвачен грибной эпидемией. Грибы сушат, солят, толкут в ступке, едят в жареном, вареном, соленом и даже сыром виде. Из столовой таинственно

исчезает посуда, а затем появляется где-нибудь под кроватью, прикрытая промокшей газетой. Открываем миску – там соленые грибы, перемешанные с обрывками газеты (последнее достижение кулинарии!). На окнах висят связки сушеных грибов, и моет их дождь, посылает их пыль, а мальчики умудряются из окон своей палаты палками снимать связки грибов у девочек и обращать их в свою пользу» [Там же, инв. № 623, л. 1].

Эмоциональность и выразительность в дневниковых записях достигается также и за счет насыщения речи глаголами, придающими динамичность, энергию и напряженность повествованию. Так, процесс ловли раков в районе реки Патрушихи авторы дневника «Раки реки Патрушихи» описывают, используя глаголы и глагольные формы, передающие разнообразные оттенки движения: «Осторожно я *вступил* [здесь и далее курсив мой. – Н. С.] в воду, она доходила мне до колен. *Взбравшись* на плоский камень, я *стал наблюдать*. Повсюду слышались голоса ребят, но я, увлеченный азартом охоты, *не обращал* на них никакого внимания. Вскоре я заметил рака. Быстро *сунув* в воду руку, я *схватил* его за спину и с радостным криком *вытащил* из воды. Он судорожно разводил клешнями. Я *бросил* его в банку, висевшую у меня за поясом. Был он примерно 13–15 см. В продолжение получаса я *поймал* еще 6 раков. Охота меня заинтересовала настолько, что я *не хотел выходить* на берег. Но так как ребята уже разложили костер и поставили на него котелок с раками, то мне поневоле *пришлось вылезти...*» [Там же, инв. № 1453, л. 3–3 об.]. Глагольное повествование позволяет автору передать состояние азарта от процесса. Детальное описание жизни и внутреннего строения раков заканчивается в дневнике рецептами их приготовления: вареные раки, бульон из раков, фаршированные раки, плов из раков, ботвинья с раками. Авторы не только подробно описывают этапы приготовления раков, но и способы подачи блюда на стол: «красиво уложить на тарелку, обложить вареными яйцами, зеленью и подавать на стол горячими», «бульон подавать на стол с сухарями» [Там же, л. 6]. Такие детали, зафиксированные в детских дневниках, позволяют погрузиться в повседневную жизнь детей, узнать подробности их быта.

Чаще всего дети беспристрастно описывают то, что было связано с условиями повседневного быта, не жалуясь и не сетуя на неудобства и лишения. Более того, трудности, связанные с бытом, становились для

них своего рода проверкой на прочность, поводом для проявления смелости и выносливости. Летом 1944 г. в загородном турлагере в районе реки Патрушихи несколько дней шли проливные дожди, однако Спартак Киприн, занимавшийся изучением погоды в районе лагеря, решил не останавливать свои исследования, несмотря на то что прибор для измерения уровня воды затопило. «Чтобы наблюдения над уровнем реки не прерывались, – пишет автор в своем дневнике “Погода в районе нашего лагеря”, – мне пришлось влезти по пояс в холодную воду под проливным дождем с линейкой в руках и точно измерить уровень воды. А было это вечером, в 9 часов. Было уже темно, мутно-желтая вода медленно шла вперед... Я здорово продрог, не попадал зуб на зуб. Пришел на кухню обсушиться и попросил у О. С. горячего чаю...» [Там же, инв. № 1454, л. 8].

Описывая быт, дети в большей степени фокусировали внимание на своих ощущениях и переживаниях. Так, в дневнике Спартака Киприна есть развернутое поэтичное описание дома, в котором они жили в загородном лагере летом 1944 г.: «Наше здание построено замысловато: с пятиэтажной башней, верандами, балконами с резными выемками и выступами. Поздно ночью в ветреную погоду, когда все уснут в лагере, – тишина, наше здание начинает звучать, как эоловая арфа: слышны какие-то шорохи, гул, разнообразные свисты, то резкие и чистые, то медленные и тихие с переливами. В первый раз нам даже показалось, что это люди свистят на улице. К этому свисту прибавляется шум леса, треск сухих ветвей, и у вас полное впечатление, что много людей окружают наше здание, то наступают, то удаляются, а когда гроза, ливень, здание просто сотрясается от раскатов грома, внезапно освещается вспышками молнии, крыша во многих местах протекает; в короткие промежутки между двумя раскатами грома слышно, как капает вода, как потоки дождевой воды несутся со скалы, а ветер все гудит, свистит, воет, пролезая во все щели здания. Но мы уже давно привыкли к нашему зданию и к здешней погоде. Это даже интересно...» [Там же, л. 4]. Ветхий дом с протекающей крышей и щелями в описании Спартака Киприна превращается в живой, звучащий организм. Используемые автором олицетворения: «здание начинает звучать, как эоловая арфа», ветер «свистит и воет, пролезая во все щели здания» [Там же] – способствуют созданию выразительного образа. За эту работу С. Киприн был награжден путевкой в пионерлагерь

«Артек». О таком подарке в то время мечтал каждый ребенок. Судьба С. Киприна сложилась удачно. Он окончил Свердловское художественное училище, Московский государственный художественный институт им. В. И. Сурикова, став признанным художником и мастером графики. Долгие годы был членом редколлегии журнала «Уральский следопыт» и его постоянным иллюстратором [Антонов, с. 58–59].

Одна из особенностей жанровой природы дневника – избирательность фактов, проявляющаяся в фиксации наиболее актуальных для авторов событий. В этом смысле интерес представляет дневник, который дети вели совместно со своим руководителем О. С. Юсуповым, находясь летом 1943 г. в загородном лагере в селе Черноусово. Фактически в нем описываются одни и те же реалии, но разными способами: руководитель в соответствии со своим положением прописывает в дневнике цели и задачи краеведческой экспедиции школьников, план действий, этапы подготовки, результаты наблюдений. Дети, продолжая ведение этого дневника, фиксируют в нем те события, которые стали наиболее важными и значимыми для них. Так, под заголовком «Отрава» записан рассказ об отравлении двух девочек ядовитой травой чемерицей, которую они приняли за чеснок, а под заголовком «За сырьем» авторы повествуют о налете роя пчел на группу детей, отправившихся на поиски образцов разных глин: «Вдруг на нас налетел рой пчел. Первого укусили Юру-проводника, затем меня, а потом и всех остальных. Мы сорвались, как сумасшедшие, и побежали, отгоняя от себя пчел. Пчелы еще больше начали нас жалить. Мы начали кричать и смеяться, но было очень больно. Около одного дома сидели старушки и хихикали над нами. Услышав наш крик, из окон и ворот выскочили ребята и начали тоже смеяться над нами. Ну вот мы убежали от этих “налетчиков”. Оглянулись и удивились, как мы могли пробежать такое большое расстояние за очень короткий срок?» [Музей истории Дворца, инв. № 2108, л. 24]. Очевидно, что память детей фиксирует наиболее яркие, эмоционально окрашенные события, вызвавшие у них сильные переживания и потрясения.

Наряду с такими традиционными формальными признаками дневника, как фрагментарность и краткость записи, приуроченность каждой записи к определенной дате, соблюдение хронологии (указание дня, года, иногда и времени суток), преобладания собственно фактов, не-

жели их осмысления [Богданова, с. 28], дневники участников общества «Глобус» обладают еще и особыми способами организации материала. Практически каждая запись сопровождается зарисовками местности (горы, реки, озера), которой посвящен рассказ, изучаемого животного или исследуемой растительности, зачастую дети создавали на страницах дневников и иллюстрации к событиям. Вероятно, рисунки заменяли детям фотографии: для них это был своеобразный способ графически зафиксировать памятные им события.

О том, какое значение общество «Глобус» имело для самих детей, свидетельствуют дневниковые записи Спартака Киприна, которые обнаружил много лет спустя его дочь в семейном архиве. Эти записи больше похожи на документально-художественную повесть о детском обществе «Глобус». В ней Спартак Киприн фактически рассказывал о себе, но в третьем лице, называя главного героя Спирькой. Самые эмоциональные моменты повести связаны с рассказом о том, как Спирька, промокнувший под дождем, шел во Дворец пионеров на встречу со своими товарищами из кружка. Казалось бы, все было против героя: холодный мелкий дождь, вконец разбитые ботинки, «старый промасленный братанов пиджак», прилипший к спине «холодным компрессом», но от одного только осознания цели своего похода герою становилось весело, «внутри него разливалось тепло, и шаг невольно прибавлялся» [Спартак Киприн, с. 10].

«Конец августа 1944 года. Ну и погодка, ну и осень уральская! Облака сплошь. Набухшие, темные нависли над городом. Казалось, окутали даже крыши домов. И дождь – мелкий, холодный... Спирька шел во Дворец пионеров, смотрел себе под ноги, стараясь обойти большие лужи. Понимал, что эти маневры с обходом – чисто психологический самообман, так как ноги давно были мокрые. С тоской смотрел на свои вконец разбитые ботинки, подошвы которых он все утро пытался прихватить гвоздями. Вроде бы, казалось ему дома, получилось нормально. Подметки были прибиты гвоздиками, не разевали противно и не хлопали по ботинкам. Но это только казалось. Стоило ему выйти на улицу, в эту холодную сырость, как через сотню шагов подметки уже смотрелись самостоятельно от ботинок. Гнилая кожа ботинок не держала с таким трудом забитые и загнутые изнутри ботинок гвоздики. Старый промас-

ленный братанов пиджак долго сопротивлялся этой мокроте, но и он тоже сдался и набух от воды, холодным компрессом прилип на плечах и на спине к рубашке, словно прямо к телу. Спирька посмотрели на себя со стороны: “Бр-рр. Ну и видок! Жалкая мокрая ворона”... Спирька топал, обходя старательно лужи, думал о прошедшем лете, что через три дня в школу. Не очень-то ему хотелось в эту школу, хотя учиться он любил, был отличником с одной четверкой по рисованию. Но уж больно свежи были воспоминания о прекрасном туристском лете. Вот и Дворец пионеров на горе – цель его сегодняшнего похода. Шел он туда в свой родной кружок, который назывался Общество юных географов “Глобус”. Лагерь-то, летний, туристский, был от этого общества. Он повеселел, внутри потеплело, шаг невольно прибавил. Там его друзья, там самый замечательный учитель – руководитель этого общества Осман Садыкович Юсупов – географ, историк, ходячая энциклопедия. Вроде и вернулись из лагеря только позавчера и не виделись только пару дней, а вот ноги готовы бегом бежать, чтоб быстрее увидеться со всеми...» [Там же, с. 10–11].

Дневники, исследовательские работы, стенгазеты, отчеты и рефераты, созданные детьми, посещавшими Общество юных географов «Глобус» в 1940-е гг., – это, безусловно, ценный исторический источник. Проведенный анализ документов не претендует на всеохватность и полноту описания всей повседневной жизни свердловских детей 1940-х гг. Детские тексты приоткрывают лишь одну грань их многообразной жизни, тем не менее они содержат важные и ценные свидетельства об их повседневности, не отраженные в официальных документах, позволяющие понять интересы и мотивы поведения детей, оценить уровень самосознания и осмысления окружающего мира. Эти тексты во многом уникальны, потому что были созданы детьми и являются носителями, хранителями и трансляторами детской памяти.

Большая часть дневников была создана в годы войны, которая, безусловно, наложила свой отпечаток на жизнь и быт детей. Тем не менее, дневниковые записи детей позволяют понять, что их жизнь была разнообразна, несмотря на трудности военного времени, они продолжали заниматься обычными детскими делами: играли, воображали, с интересом и азартом изучали окружающий их мир, строили планы на будущее.

Во многом Общество юных географов «Глобус» помогало им переносить тяготы военной жизни, удерживало их хрупкий детский мир, став для них «островком нездешней, светлой жизни».

Антонов А. Спартак Киприн – художник «Следопыта» // Уральский следопыт. 2005. № 4.

Богданова Е. В. Языковые особенности жанра дневника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. Ч. 1. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/9.html> (дата обращения: 25.04.2022).

Спартак Киприн : графика. Линогравюра. Офорт. Акварель. Рисунок. Книга. Журнал. Иллюстрация : [альбом]. Екатеринбург : Автограф, 2010. 252, [3] с.

Эпштейн М. «Меня танцевало к ней». Расширение безличных конструкций. Текст : электронный // Дар слова. Проективный словарь русского языка. URL: <https://www.emory.edu/INTELNET/dar243.htm> (дата обращения: 17.05.2022).

Юсупов О. С. Внешкольная работа по краеведению : из опыта работы Дворца пионеров Свердловска. Москва ; Ленинград : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1949. 56 с.